

18+

Виолетта Угра

Мужицкий яр для богачей

Колонизация Марса

Виолетта Угра

**Мужицкий яр для богачей.
Колонизация Марса VII**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Угра В. В.

Мужицкий яр для богачей. Колонизация Марса VII / В. В. Угра —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Участие в процессе продажи современной идеи иногда бывает слишком сложным. Ценные технологии изобретают интеллигенты. Продают их не такие же умные и одарённые люди. Ругань, грубые выражения, - это еще не всё, с чем можно столкнуться в мире торгового оборота. Талантливые женщины взялись за изобретение и добились успеха. Остается только продать его. Будут ли Восток и Средняя Азия благосклонны к блондинкам? Они прячутся, но послан лихой жестокий убийца? Часть средств от продажи книги пойдет на реализацию проекта Геном финансиста.

Содержание

Цены на астероиды около Марса	5
Цена научного открытия	8
Упорное движение к цели	13
Окраина Даянира, города-призрака	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Цены на астероиды около Марса

Без пяти одиннадцать один из владельцев компании «Астероиды Вигдорова и Арамова» по бурной жестикуляции и возбужденному отрывистому голосу понял: компаньон расстроен. Перехватив взгляд оказавшегося в уютном мире своих, партнер с честными глазами закивал. Внутренне талантливый лидер в мире конкуренции среди самых близких только обрадовался, хотя выражение хитрых карих раскосых глаз сочетало жалость и порицание обидчиков. Манеры его друга, конечно, но и делового партнера, уже давно проявлялись в той форме, что подозрительного торговца давно следовало поставить на место. Камень преткновения не должен увлекать настолько, чтобы близкий человек, поставленный в тупик, желал излечения. Ценимый, но не совершенный, встревожено изливал душу, принимая сочувствие горьким смешком.

– Не огорчайся. Так бывает со всеми, – булькал учитель хороших немецких манер самым миролюбивым тоном.

В целях честного определения справедливости человек не трусливого десятка холодно добавил:

– Чувствую себя, будто мне не дают места для существования. Умные мальчики имеют права, а не обязанности. Я говорю не о таком, которое предназначено только для отбросов общества или о ком пишут детективы.

Мужчина нервного темперамента с одесским выговором, ниже среднего роста, светловолосый, ходил по комнате на своей стороне виртуальной связи, разговаривая с компаньоном. Житель Армавира казался братом оратора, умеющего выразить омерзение в нескольких словах. Собеседник, такой же невысокий и худой шатен с консервативной стрижкой, склонился над старенькой по виду клавиатурой. Её год назад он обклеил картинками нимф в купальниках. Товарищ отличался от мастера торговли мешковатым пиджаком, который сидел, как чужой. В магазине обладание обладателя скромных художественных талантов показалось бы выкроенным не по размеру. Лицо владельца, не забывшего о долге перед ближним, было бесстрастно. Акцент принадлежал южанину. Манеры даже в самые тяжелые времена походили на агонию. Но они не мешали ему завязывать разговор с незнакомцем.

– Самые интересные истории описывают богатых и успешных людей.

Выразить словами не успокоившиеся чувства иногда сложно, но озарение снизошло, желая вызвать отклик.

– Хорошо, я о людях, которые из низов, но при этом даже в романах об отбросах общества никому не интересны.

– Здоровая мысль. Но не ставь для себя главным в жизни вызывать любопытство окружающих.

– Тебе лишь бы противоречить. Все равно, сейчас вместе с моей надеждой побыстрее отправить камни пришлось расстаться. Они будут снова болтаться на орбите.

Привилегия послушать знатока всегда вызывает увлечение и восторг. Исчезает застенчивость, после диалог за уютными стенами «Астероидов Вигдорова и Арамова» становится конструктивным.

– Но это только пока мы не найдем следующего покупателя.

– А их сейчас много?

– Пока нет. Но не забывай, что наш камень стоит немало.

– Иначе я бы не вкладывал столько денег, чтобы перекупить его у старателей. Они непременно хотели использовать его как стенку для своей техники, постепенно стачивая ценные минералы, наполняющиеся со временем рентгенами.

- Это хороший камень.
- Спасибо за поддержку, торговец.

Многие превратно судят о ближних, пока те не продемонстрируют дела, а не скромное незаметное немое сочувствие.

– Не горюй. Постараемся его продать в другое место. Сейчас он на орбите. Не потребуются слишком много усилий для того, чтобы кинуть его даже на другую сторону планеты.

Восполнить прискорбные упущения и залатать бюджет невозможно без живого полнокровного мозгового штурма.

- Он не слишком низко? Его не засосет гравитацией?

– Нет.

– Считай лучше. Я не хочу, чтобы он упал, и мы бы остались владельцами камня, который пришлось, нет, придется продавать с доставкой на место грузовичком. Да, еще он туда завезет что-то через триста лет.

- Не бойся. Ты был вчера вечером на рынке?

– Нет. Я и сегодня не заглядывал туда. Ты хочешь сказать, что на бирже обвал?

Он остановился, прекратив ходить из угла в угол, и стал в упор смотреть на партнера. Тот, не отводя взгляда, смотрел на него.

- Да, но это хороший сюрприз для нас, – наконец сказал он.

Интерес огненной природы повысился.

- Цены повысились?

Обладатель болтающегося пиджака и чувства собственного достоинства откинулся назад и немного запрокинул голову влево и вверх. От этого Арамов стал немного напоминать ученого из провинции.

- На наш камень – да.

– Почему я не услышал об этом от тебя сразу?

Он сказал это так, как будто его партнер тайно от него на общие деньги купил еще один астероид без его разрешения.

– Для того, чтобы товар можно было кинуть на Марс, необходимо пройти последний контроль. Он проверит радиационный фон и минеральный состав.

- Это и есть причина, по которой цены повысились?

– Уймись и дай мне сказать все до конца.

Вигдоров обозвал нехорошим словом проблему, способы ее разрешения, всех участников, ответственных за появление проблем, а потом с самого Арамова. Тот вначале обиделся, а потом тоже обозвал собеседника нехорошим словом.

- Что там затеяли? Вчера еще не было ни слова о скачке цен, я читал прогнозы на неделю.

Арамов потянулся за стаканом кофе и опрокинул ее на пол. Нервы Вигдорова не сдали, хотя теперь пришлось объяснять причины катастрофы краю фалд пиджака согнувшегося джентльмена. Солнце поджаривало их, как его многочисленных нечестолюбивых закопченных родственников в Азии, прозябающих на земляных работах в огороде. Дстойно поддержавший честь семьи гонял рукой по полу стакан, закатившийся в щель.

– Их и не предполагалось. Роковая тема для бизнесменов. Они набрасываются на продавца, чтобы сбить цены, но не покупают самое выгодное. Не проходит ощущение, что они ставят не на ту лошадь. Права собственности, кажется, слишком глубоко запустили в них свое жало. Анализаторы, которые решают, как отбирать камни, находятся на орбите.

С пунцовым лицом Арамов появился на экране.

- Там была авария и их больше нет?

– Не хочу тебя отпугнуть, но начались законодательные проблемы. Похоже, правительство хочет оставить за собой многие шахты.

- Государству или чиновникам лично? Спецслужбы участвуют в деле?

– Будет то, что было бы логично, даже если обещают обратное. Но сейчас из-за чего-то притормозили контроль за пришедшими камнями. Мы его прошли как раз перед сделкой.

– Не состоявшейся, – беспомощно посмотрел на свои руки компетентный слушатель.

– Но бумаги были оформлены и по ним мы больше не должны проходить таможенную. А все остальные сейчас стоят в ожидании новых законов.

– Ты хочешь сказать, что количество камней в ближайшее время не увеличится?

Мужчина в пиджаке нетерпеливо завозился.

– Да. Наш покупатель может вернуться, когда обнаружит, что отказался в самый неудачный момент.

Одессит уже осознавал, что способность улавливать мысль у людей с разной степенью эрудиции имеет разные пределы познания. Но Арамов хотел научить его думать логичнее.

– Кроме него на Марсе есть еще желающие. Если искать их сейчас, цена может возрасти. А когда мы продадим его, будет легче купить новый астероид у тех, кто уже слишком долго ждет на орбите и мечтает избавиться от товара.

– Займись этим. Заодно присмотри, какая фирма купит у нас еще один товар.

– Еще один прошедший контроль астероид?

– Нет. Среди тех, кто их обрабатывает, я нашел двух девчонок. Они не умеют торговать, но, кажется у них умные головы. Одна предлагает какую-то технологию, я пришлю тебе описание на почту. Другая хочет продать астероиды.

– Кто будет гарантировать, что технология хорошая?

– В том то и дело, что ее можно продать вместе с технологией под ее собственные гарантии. Подумай над этим, а я поищу еще товар.

На характерном наречии дающий парень выругался. Превосходное изложение мысли показывало, что у него тоже очень сложная работа, но он верит в способности своего коллеги и напарника там, где необходимо не упустить выгодного клиента. Ясность в разговор привнесла ругань, означающая веру в счастливое завершение дела, которой он хотел заразить весь небольшой коллектив их веры. По сути компания состояла из трех человек, двоих духовно близких собеседников и временного наемного бухгалтера. Но ни один из них не уклонялся от исполнения неприятного долга.

Цена научного открытия

Большинство восточных промышленных королей одновременно бывают самыми богатыми в стране и занимающими высокие государственные посты. Близкие им люди часто говорят о том, что они сильные и добродушные. Скептики считают, что ход их мысли определяют деньги, они же являются крайним маркером болезни души. Горестные ощущения от излишней силы характера в ее многогранных проявлениях приводят как пример, подтверждающий логику. Прочие спорят, иногда надеясь на щедрую и справедливую оплату компетентного мнения. Нельзя вспомнить скандала, когда король арабской страны из наименее цивилизованных мест, казнил личного врача. Любопытно, что даже шумных случаев наказаний за отравление там почти не бывает, хотя в других местах люди менее мнительны, более жадные до денег, в том числе за доставшееся конкуренту кресло. Восточные короли не только пользуются тайными способами кукловодов в прессе, которая под их воздействием много пишет о них. Любимые темы для покорения публики: справедливость монарха, великие дела, воспевание гуманизма и философско-религиозной позиции.

Шизимбек Абаевич по предположению экономических изданий чужой ему страны владел имуществом, сопоставимым по размерам с арабскими королями. Машин для выполнения рутинных операций он содержал, заботясь о тайне, подобно физикам-ядерщикам. В России самые честные спецслужбы без лисьей травли не знали, где, как, сколько и через кого он исправно платил, чтобы никто не знал никаких подробностей о его жизни. Феномен подъема вверх не платил за то, чтобы пропагандистская машина писала о его талантах, мужестве, вспоминала его добрые дела и расхваливала его поступки. Шизимбек Абаевич занимал высокий государственный пост, который позволял все это получить бесплатно, но почти никогда не пользовался возможностями, которые он предоставлял. Он не мог соблюдать диету, не хватало силы воли, но к сбору денег, который многие называют работой, относился совершенно иначе. Показателем того можно считать его собственное возвышение. Конечно, оно произошло в смутные времена, но деньги он получил не от родителей и начинал почти нищим. На пространстве бывшего СССР изредка, удар под ложечку тоже существует, встречались государственные чиновники из террористов, но не банкиров. Шизимбек Абаевич в стране бушующих вьюг планировал не оказаться в их числе.

Оппозиция шумела из-за того, что в его родной пустынной жаркой, отнюдь не аристократичной бывшей советской республике Средней Азии, в молодости обладатель таинственного дара разбогатеть сидел в тюрьме. Освободивших заключенного заставили молчать, в государственных службах история не получила продолжения. Шизимбеку Абаевичу Кайману поручали нефтяное дело. Страусы зарывали бы головы в песок под его тяжелым взглядом. Странно было, что он возглавлял крупный комитет по надзору. Множество преобразований сделали его отрасль по свидетельству прессы самой перспективной, важной для бюрократических преобразований. Глаза и уши скончавшегося попугая работал долго, много. Называние правоведа государственного предприятия менялись вместе со сменой формы хозяйственной деятельности. Невзыскательным обитателям кабинетов на местах доставалась жизнь мамонтов. Вначале государственные служащие распоряжались огромными ресурсами, но не могли наладить деятельность подчиненных. Потом денационализировали предприятия, снова извлекали их на свет, покупали у государства. Общее название высшего контролирующего и имеющего опыт работы органа менялось. Случайный наблюдатель ошибся бы, выслеживая, как продавались кресла. Громкие скандалы со зловещими последствиями, расстрелом, касались обычно не более, чем десяти человек на самом верху, остальные жили в дикой первозданной глуши, думая о смешной стороне политического театра. Темное пятно страны обычно работали в тор-

говле. Все же ведущие популярные издания, принадлежащие высоким чиновникам или их служащим, не поддержали компанию вызывающих омерзение.

В государственных компаниях еще до реформ на высшие должности попадали за взятки. Красавицы с бархатистой кожей не отворачивались от тех, кто их плохо скрывал, но очаровательные мальчики осуждали предположительных недостойных детей родины на уровне общей линии политики. Получить место, регулярно платя и умея выбивать из системы потенциальное пополнение начиная с низа, было отточено. Коварный змей проник в дом не случайно. Помогала надежная сила внушения морского пехотинца, способного своей командой взять и казнить ведущего террориста мира на его территории и в его офисе. Дополнял гипноз объемистый кабинет с настоящими наручниками в ящике тумбочки мускулистого любопытного оратора. Государственная служба занимала всегда, если работы не было, оплачивалось присутствие на месте. Позднее, когда службы денационализировали, такие качества внизу не перестали цениться, хотя использовались в мошеннических целях. В государственно-частном секторе, который образовался после реформ, потерять место стало легче, чем провести по Крыму сеть водопроводов. Нехорошие чиновники, которые стали на бумаге частными владельцами, бились друг с другом, чтобы получить тот или иной выгодный заказ. Людям, работавшим когда-то на крупных предприятиях с тяжелыми испытаниями в работах под заказ, чтобы удержать новый бизнес, не связанный с крупными государственными структурами, теперь приходилось угрюмо убивать. Был ли Кайман из их числа, не писало ни одно издание мира. Даже иностранные, коммерческие и только что открывшиеся в первом номере не пускали на свои страницы троюродных братьев разоренных им людей. В Министерстве финансов его не считали единственным восточным миллиардером в России, о котором молчала пресса. Его не хвалили, не называли умным предпринимателем. Его светская жизнь с приемами и обществом в красивых вечерних платьях никогда не появлялась в светских хрониках даже у папарацци. Журналисты не любили гостей, приезжавшие к таким людям на свадьбы, юбилеи и религиозные праздники. Ведущие репортеры могли даже не помнить подобные имена, не узнавали фотографии. Так никогда не было у арабских королей от власти и промышленности, но в разные времена проходило гладко в России.

– Я посмотрел ваши материалы, – сказал толстый, немый, вспотевший Кайман, раздвигая полу пиджака для того, чтобы немного охладить лежащий на коленях живот.

Он потыкал волосатым пальцем с огромным платиновым перстнем в открытую папку, лежащую на столе из красного дерева, отделенного бирюзой и золотом. Материалы из нее были разбросаны по столу. Это были выдержки из прессы, графики, диаграммы, сводки. Некоторые из них лежали выше всех. Каждый материал был тщательно подписан, с указанием источника и даты.

«Техас, Экономическое обозрение института Дж. Д. Бушрампа.

Скачок цен на астероиды, который сейчас должны уронить на Марс, обусловлен техническими особенностями проверки. К планете уже давно идут огромные куски руды и льда. Они будут приходить еще десятки или сотни лет. Но если сейчас там почти не развита экономика, то через несколько лет торговля приобретет такие же акции, скачки и падение цен и котировки, которые сейчас есть на Земле. Недавняя задержка с их отправкой лишней раз доказала, что появляется промышленность и новая Аляска, которая добывает уже не золото из Земли, а плоды труда старателей Солнечной системы. Они более ценны, чем золото, но их стоимость скачет так, что кто-то получит баснословные прибыли».

«*Високсин, Вестник Университета Питерграда, исторический факультет.*

Шахты на Марсе были мечтой и реальностью еще не на самой планете. Ее грунт, созданный искусственно для людей, был изолирован от ядовитой почвы. Первые переселенцы собирали себе купола. Их части доставляли с Земли, как и продукты, а им оставалось только подбирать посылки, сброшенные с парашютами, и монтировать удобные для работы без станков

части. Потом они, получив инструменты, вгрызались в почву, чтобы сделать для себя искусственные пещеры. Там было меньше радиации. Их удобнее было накачивать доставленным с Земли воздухом».

«Кембридж. Школа профессора Дитриха Аллена. Выдержка из докторской диссертации Хакста Рейнсфилда.

Немногочисленные поселения закрывали несколько входов огромными стеклами и за ними сделали сады и огороды, получая свежие овощи при слабом естественном свете. Ветер сверху давал энергию там, где не хотели строить атомные станции. Бетонная оболочка со множеством покрытий самой сложной молекулярной структуры внутри обжитых помещений не пропускала внутрь ядовитые вещества. Но из стен, находившихся в глубине, хотелось выйти наружу.

Следующее поколение построек шло уже с помощью развитой сети обработчиков астероидов. Камни небольшого размера стали приспособлять для защитных стен и куполов новых построек. Стены защищали от ветра. Купола еще были неказистыми, но роботы на Земле тренировались, чтобы со временем делать их такими же надежными, как здания на Земле, простоявшие тут веками».

«Московский Государственный Университет. Журнал «Университетский вестник»

Территория Марса давно была поделена на части. Вначале это были только географические данные. Потом физики делили территории, чтобы построить первую карту для метеорологов. Вместе и химиками первые двое выбирали место для поселенцев.

Когда их стало больше, возникли первые проблемы с границами. Кто станет правительством на Марсе? Будет ли он независимой страной? Если да, то что делать первыми его обитателям, которые совершенно ничего не могут заплатить, чтобы получить с Земли все необходимое? Они, пионеры Марса, не могли даже выступить в суде в свою защиту из-за дороговизны связи и процедур, которые бы понадобились, если Земля отрежет их от постоянного регулярного снабжения.

Государства, которые не оставляли их без пищи и крова, предъявляли и свои претензии. Расходы были большие, но вполне посильные. Неприятности начались тогда, когда самые энергичные политики стали спрашивать Землян: «Как распределять расходы и власть?» Первые интересовали их только из-за увеличения влияния, гораздо более эфемерной, но почему-то во все времена манящей человека валюты. Высшее руководство не терпит сильных и умных вторых и коллективное управление, если оно, верховное, плохо разбирается в проблемах. Обустройство Марса было как раз таким делом, которое было не под силу десяткам профессионалов, так что оно попадало под эту категорию».

«Сетевая газета «Правда Рус»

Именно тогда территорию уже покрывшегося поселками Марса решили поделить. Это и вызвало проблемы. Границы участков нельзя было сделать точно между колониями. Каждая из них состояла из граждан разных государств. Купол, их жилище, строили и привозили ученые множества институтов, расположенных по всему миру. Поделить территории поровну тоже не получалось из-за того, что некоторые из них уже вели снаружи освоение территории. Каждая колония, вышедшая на поверхность, требовала места от границы поля сверху до стен соседей, если у него не было сверху дороги, рукотворной ямы или бура, уже сделавшего дыру глубже полуметра от поверхности. Те, которые этого еще не сделали, спорили с ними. Они клялись своим покровителям с Земли, что все это время потратили на обустройство внутреннего пространства, необходимого для выживания. В случае, если бы у соседей случилась бы беда, они приняли бы их под свою крышу. Технологиями, которые они пробовали у себя, им часто приходилось делиться. За все это вместе яйцеголовые требовали территорий. Выслушав их аргументы, в спор включились государства».

«ТАСС Таймс, аналитический журнал для дипломатических научных работников.

Как только знаменитые политики начали обсуждать проблемы границ, их речи привычно стали публиковать ведущие газеты, повышено внимание им оказывали телепрограммы. Средства массовой информации любят светскую хронику. Но они сохраняют положение солидных изданий только если не забывают писать о начинаниях Президентов всех стран, отдавая предпочтение своему, немного меньше упоминали о его заместителях, и так дальше по служебной лестнице, согласно законам кастовой системы в бюрократии. Там, где много обсуждений, закон жанра требует искать конфликт и ставить вопросы. В результате проблемы границ стали таким же привычным предметом спора, как экономические санкции и вмешательства в чужие дела.

Международные законы, принятые временно, обязали оставить вопрос границ до полного согласия всех сторон. Все же это не дало мира и спокойствия. Но все баталии происходили в политических дискуссиях или среди окутанных тайной угловатых действий спецслужб. Пока Марс считался территорией без границ. Но все больше предпринимателей интересовалось ими в принципе, желая участвовать в модной проблеме. Это не всегда было подобно покупке гонщика с машиной для ралли. Но их интерес вызвали будущие прибыли. Там, где будет жизнь, собственная экономика, будут и такие же деньги, как те, что уже выплачивались доставляющими на Марс строительные материалы и машины. Поэтому шахты, их будущее, стали интересовать уже не только поселенцев, но и желающих стать их владельцами боссов Земли. В их числе были те, которых никогда не назовут преступниками только из-за того, что они сами решают, кого осудит их государство. Если оно было не из числа слабых, конечно».

«Газета Правда, оппозиционное издание компартии России.

Олигархи смотрели на мир красной планеты уже другими глазами. Если в торговле камнями необходимо было слишком много квалификации, чтобы хоть как-то выполнять единственно возможную работу, на поверхности уже все было иначе. Астероиды, найденные в космосе, проверяли. Самые ценные приходили на орбиту для того, чтобы на поверхности стать основой для будущего завода. Пласты самого Марса исследовали роботы, не люди. Стоило только вложиться в хорошую технику, первые из геологов могли застолбить самые хорошие месторождения. Не допустим жаждающих наживы на Красную планету! Долой власть плутократов!»

Последние два предложения на статье «Правды» были жирно и некрасиво зачеркнуты ручкой. Рядом был еще один зачеркнутый символ или несколько букв, вероятно, вначале нарисованных читавшим для личных пометок. Это сделал сам получивший доклад, что доказывало, как внимательно он относится к аналитическим материалам ведущих изданий мира.

Владелец слишком большого, но уже немного отдыхающего от жары живота, произнес:

– Я готов принять предложение этих красавиц, честных и профессиональных, продуманное, цельное. Но не полностью. Я в принципе не хочу иметь дело с шахтерами Солнечной системы. Они слишком хорошо умеют прослушивать, слишком много знают о роботах. Я боюсь их и знаю, что вы их тоже боитесь.

За столом, расположенным перпендикулярно к его рабочему, переговорным, сидело восемь человек. Каждый из них мог похвастаться одеждой от лучших домов моды в Париже. Но если бы они ли его шеф решили это сделать, большинство оппозиционных и независимых изданий разразились бы руганью и даже вышли бы на улицы. Только поэтому вся собравшаяся тут компания предпочитала, чтобы об их работе говорили вслух как можно меньше. Некоторые из совета директоров, собравшихся тут, даже сумели сделать себя почти невидимыми для прессы. Они кивали, слушая человека, который высказывал и их мысли. Соглашались не из подбострастия, но от согласия с дальновидным и умным шефом. Шизимбек Абаевич казался рассеянным, когда сказал:

– Я беру идею, но авторов необходимо убрать, не сделано. Так же необходимо поступить с тем, кто будет делать грязную работу, как будто мы. Сделайте так, чтобы их больше не было, нет человека, как говорится. Но поступите умно. Я не хочу плохой репутации себе и нашей

компании, ее не будет, я же желаю делать честный бизнес и буду, и вы будете. И грязные дела будете отмывать, как все. Все ясно?

Мучительная ясность не тяготила обладателей неоценимого сокровища, беззаветно преданных цифрам поступлений на собственном счете. Правом совершать злые и добрые дела, приведя мысли в относительный порядок, в Средневековья обладала святейшая инквизиция. Сулившая радость в вечности могла полностью погубить добро. Осмелившейся ставить на кон судьбу дано было от государства право совершать зло. В другие времена право на насилие получали уже политики, иногда партии. Слабые люди снизу с замершими от досадного ужаса при столкновении с мыслями о губительной опасности низшими чинами полиции с разведкой сверху, тоже слабыми. Никого не смущала разведка, не способная исполнить трюк с осмыслением перспектив лучших людей из иностранцев и поиск возможностей сплотиться с ними ради цивилизации. Всех, как и их грубую войну в Европе, уже не называли святейшими. Почему определение категории высшей справедливости необходимо сильным людям с правом на убийство, а слабые убийцы не нуждаются в оправдании? Один ли выход в обращении к ценностям создателей миров, последующей вечной жизни? В кабинете Каймана с вазами из чистой кости мамонта тяжелым шагом никогда не появлялись даже каторжники, способные рассказать об этом понятным присутствующим языком.

– Вам все ясно?

Самые успешные мужчины и женщины мира, одетые в костюмы признанных королей красоты, молча закивали.

Дверь за последним из вышедших после совещания закрылась, как будто ее толкнул морской ураган. Такой мог быть в море, стать предметом священного ужаса в глазах опытных моряков или случайных путешественников. С ураганным шумом закрыл дверь в кабинет сам его хозяин.

Отрывистый металлический смех раздался в коридоре и сразу же смолк за плотно закрытой дверью. Здание компании так мало напоминало все, существующее вне ее компетенции, что стоило разобраться, чем ночь фирмы Каймана отличалась от дня России по ту и другую сторону Урала.

Упорное движение к цели

Деревья вокруг казались редкими, выжженными, низкими, как кусты. Дорога, ведущая к стенам города-крепости, выглядела хуже проселочной. За холмом в километре от города она терялась. Вдалеке в просвете между деревьев не были видны высотки или антенны, привычный рельеф обитаемых мест. На ней оставались отметины от грузового транспорта. В трещинах кое-где росла трава. Вход в Даянир выглядел так же зловеще, как и километры пустынных мест вокруг него. Площадка около ворот тоже была пуста, на ней даже не оставалось грязи, верного признака отсутствия еженедельной уборки.

– Все коробки, чемоданы, ящики, которые вы хотите взять с собой должны пройти пограничный контроль. Благодарю за терпение.

Это был только первый робот из череды тех, с которыми в ближайшее время ему придется иметь дело. Радимов знал, что гораздо сложнее ему будет пережить ту машину, которая находится ближе к центру, особенно если она станет самостоятельно брать у него анализ крови. Он знал правила. Его рука нервно зажала в кармане несколько монет. Потом он отпустил их, не желая показывать охватившее его напряженное беспокойство.

Машина из пластика, с удовольствием сделанного перед праздником в китайской глубинке лет тридцать назад, занялась его вещами. Он стоял, стараясь не показывать, что замечает ее перемещения. Вокруг было тихо. Изот намеренно решил найти путь в нужное место утром, когда больше посетителей у пограничного робота не было. Он вспомнил, как часто собратья его стража не пропускают назад тех, кто уже один раз попал за охраняемые им границы. Именно с такими он сейчас боялся встречи, поэтому и пришел раньше, чтобы утренний сон защитил его от химеры, которая могла стать реальностью. Вдруг по его спине прошла нервная дрожь, он постарался сразу же унять ее физически. Но его усилие не укрылось от робота, который, казалось, занимался только просмотром его вещей.

– Вас что-то беспокоит? Вы везете что-то запрещенное?

Изот устремил на него взгляд богомола с десятилетним стажем.

– Нет, просто сейчас прохладно.

Видимо, недоверие сквозило в его голосе. Робот, казалось, имел анализаторы по классу гораздо выше, чем соответствующие обшарпанным стенам вокруг. Таможенник не поверил его словам и стал перебирать вещи медленно. Изот подумал, что роботы, расположенные дальше, могли испытывать своих подопечных не только каверзными вопросами, но и пустить в их сторону парализующий сознание луч. Все попытки могли быть только для того, чтобы консервная банка задала пару формальных вопросов. Собственные блокираторы он разложил в разные места своего багажа. Два уже лежали в той безобразной куче вещей, которую робот нашел не интересной для себя. Один был при нем, в кармане куртки. Миниатюрный пульт, на котором были выводы команд телохранителя, четверть от всех взятых в путешествие, болтался брелоком на кольце от ключей в кармане брюк. Изот не показывал вида, что его что-то беспокоит. Он решил подойти к проверенным вещам, чтобы собрать растрепанные рубашки, но электронный страж порядка не дал ему это сделать.

– Вы не знакомы с правилами? Вам не давали разрешения забирать вещи.

– Извините. Я думал, что вы уже подали мне знак.

– Я скажу вам об этом словами, четко и ясно. Почему вы не дожидаетесь? Вас что-то беспокоит? Вы везете что-то запрещенное?

– Я плохо выспался из-за того, что встал рано. Мне трудно быть любезным, когда я еще не проснулся. Быть умным без вежливости ни у кого не получается. Мой мозг все еще в тумане.

Если надеялся, что у старого робота он осмысливания этих слов перегреются логические системы, он ошибся. Даже ритм его действий не изменился. Щупальца манипуляторов Изоту теперь напоминали актинию. Он перебирал багаж, как профессиональный игрок, который уже знает, какой ловкий ход сделает в следующее мгновение и криво усмехается самому себе. Потом он подумал, что внимание робота его багаж привлек прежде всего из-за его избытка. Он вспомнил, как упаковывал все, желая не брать ничего лишнего. Но обычные гости этого места, наверное, не имели и чемодана. Даже такого небольшого, как у него. Изот вздохнул и сделал несколько шагов в сторону. На мгновение он почувствовал себя выдавшим все свои мысли какой-то старой запрограммированной десять лет назад куче железа, способной пропустить кого угодно, не замечая опасности.

Потом он подумал, что самый дальний робот пограничного контроля должен был сделать пробы на X 107. Их результат был виден не раньше, чем через двадцать минут на самой хорошей технике, о которой тут вряд ли слышали. Он мысленно отругал себя за забывчивость, которая могла стоить ему жизни, если бы он так же подошел к вещам другого незнакомца раньше времени. Пришедшую ему в голову мысль подтвердили дальнейшие действия робота. Ровно через час после начала досмотра он демонстративно отъехал от помойки, в которую превратился его багаж, упакованный теперь в большой черный пластиковый пакет.

– Вы везете оружие?

– Только для самообороны.

– Помните, что взрыв пограничной стены карается по нашим законам. И нашими полицейскими. Это же относится к порче пограничных роботов.

Изот смотрел на него и поймал себя на мысли, что приписывает вполне человеческие эмоции машине, сейчас защищающей собственную безопасность. Ему показалось, что она боится смерти так же, как человек. Он боролся с уверенностью в том, что такие эмоции хотя бы в ее голосе есть. Это предположение основывалось на том, что программы, которые для компьютеров писали люди, часто несли и психологическую нагрузку. В таком месте, как это, употребить запрещенные приемы было бы уместно. Но если бы для их выбора обратились к нему, он посоветовал бы другое. Например, дать понять, что задумавшийся о преступлении мгновенно будет предан. Или еще: сразу же после намека на то, что ты осознаешь, не делаешь, даже не начал, а догадался о возможности сделать это, найдется сильный, злой и неизвестный тебе человек, который тебе же и покажет, что знает об этом. И будет тебя шантажировать какой-нибудь грязный старик, силой своей экстрасенсорной мощи пробивающей тебе череп, как власти Пол Пота своих граждан.

– Другие законы совместного проживания вы можете прочитать в кратком кодексе. Вам выдать бумажную брошюру или загрузить электронный файл.

– Я хочу жить, даже если у меня сломается компьютер. Дайте брошюру.

Получив небольшую книжечку он открыл ее на первой попавшейся странице. Потом полистал. Она была распечатана по горизонтали. Ее можно было открыть, в развороте обе страницы читались в формате «А четыре» большими разборчивыми буквами, даже слишком большими. В конце было указание в случае, если законы не понятны, обращаться в специальные карманы на Стене. Там пограничный компьютер готов был объяснить их любому маленькому ребенку. Места, где стояли служители Фемиды, на карте отмечены не были.

– А как сбегать к этому роботу? Тут забыли написать адрес.

– Для желающего получить их помощь не существует времени на их поиски. Ищите по стене тот из них, который сейчас работает.

Изот уставился на него, желая, чтобы невидимые программисты закончили эту шутку и, стиснув зубы, назвали хотя бы два адреса. Но, похоже, они не хотели это делать даже посредством машины.

– Вы еще можете вернуться. Бежать отсюда.

– Я не хочу.

Робот выдержал паузу в три минуты, потом вернул документы.

– Можете пройти. Услуги этого поста пограничного контроля вам больше не понадобятся.

Изот подумал о том, что он собирается возвращаться. Туда, куда он стремился, многие приезжали навсегда. Другие, с той стороны, откуда шел туда сейчас он, считали это место тюрьмой, из которой лучше бы никто никогда не выходил. Радимов знал, что контрольные механизмы программируют силами полиции, которая находится с этой стороны. Выход из зоны был сродни кошмару. Большинство политиков предпочли бы оставить в этой естественной тюрьме каждого одним только приказом роботу больше не выпускать оттуда определенного человека или группу сомнительных личностей. Вошедшему туда предстояло там и умереть. У Изота сложилось убеждение, что формулировка, обещанная роботом для разрешения прохода внутрь, имеет подтекст.

– Мне дают разрешение пройти туда, но предупреждают, что я не смогу выйти?

– Вы можете продолжать путь. Эта проверка не выявила ничего, что может помешать вернуться, если вы не сделаете ничего плохого.

Изот принялся измерять длину вещей, чтобы снова упаковать их в чемодан и сумку. Они лежали так плотно, что сейчас он путался, раскладывая их по местам.

– Держитесь левой стороны, когда пойдете дальше, – напутствовал его робот. – Следующий пункт контроля слева.

Обойдя вокруг робота, он отправился по длинному коридору. Впереди по проходу, так же как и по бокам его пути, стояла высокая железобетонная стена. Она немного отстояла от конца боковых стен. Эти проходы перекрывали другие стены, меньшей высоты. Похоже было, что они сделаны позднее. «Чтобы оттуда не получить пару выстрелов», – подумал Радимов и пошел быстрее. Он старался держаться центра, который не был, по его мнению, на прямой наводке возможных снайперов.

Он не прошел половину пути, когда открылся еще один тупик. Кривой шлагбаум с колючей проволокой, загораживающий ему путь, напомнил, что это следующий пограничный контроль. Слева в кармане, образованном коридором, было несколько исписанных и исцарапанных пластиковых скамеек. Только близость робота с дезинфекции и детектором взрывчатых веществ заставляла его верить, что к ней можно подойти ближе. Рисунки на них были такими замысловатыми, что казалось странным, как робот сумел не заметить вандалов, не прервать их занятие. Уже потом, сев на одну из них он увидел исцарапанные спинки и сиденья ближе. Он догадался, что силой своего оружия прохожие успевали делать картины в несколько приемов. Скорее всего они придумывали, как продолжать свое занятие, пока у роботов было слишком много гостей. Изот подумал, что такие времена бывают часто или эта скамейка лет тридцать не менялась на новую.

– Вы везете что-то запрещенное?

– Нет.

– Наркотики?

– Нет.

Процедура поиска запрещенных вещей была такой же долгой. Робот, казалось, не знал о существовании своего собрата, только что определившего полное соответствие пришедшего со стандартами инструкций, одинаковыми у обоих.

Четвертый кордон был таким же. Радимов подумал, что ниши для его безопасного существования стали больше, чем у предыдущих. Скамеек тоже стало больше. Пограничник так же лишал его уверенности в собственной невинности. Изоту уже казалось, что все здешние роботы умеют чувствовать и в каждый из них вложен надменно обиженный характер. Когда

его осмотр заканчивался, услышал звук, который мог быть взрывом бомбы, если ее поместили в воду. Он понял, что его источник находится впереди. Там, куда он сейчас направлялся.

– Приношу наши извинения. Контрольные мероприятия будут проходить дольше, чем обычно, – заявил робот.

– В чем дело?

– Я не хотел бы, чтобы мои анализаторы подверглись губительному излучению, – бесстрастно ответила машина.

– Вы уверены, что это был взрыв излучателя?

– Нет, но я обязан следовать полученной мною инструкции.

Изот подумал о том, что было бы, если микросхемы вышли бы их строя настолько, что пограничник, привыкший хватать своих подопечных, внезапно набросился бы на него.

– Можете проходить. Добро пожаловать в Данияр.

Бледный Изот не показывал испуга. Он решил не упаковывать вещи снова, а так и нести проверенный хлам новому человеку в форме. Таможенник ждал дальше в черном мусорном мешке на следующем посту контроля. Он не пожалел о своем решении, когда очутился в следующем кармане стены. Там робот снова извинился за задержку. Когда прошел все пять кордонов защиты, он смог приблизиться к концу коридора. Потом коридор между высокими стенами, где он шел, скрыл больше видимого пространства, и он перестал видеть несколько башен впереди.

Он подошел ближе к щели, через которую редкие путешественники покидали пограничную зону. Раздался еще один звук разорвавшегося в воде снаряда, теперь он казался меньше по размеру, но не ближе.

Изот оглянулся, чтобы посмотреть, не преследуют ли его сбесившиеся роботы, предупреждая о выстреле только жестом и без звука. Их не было. Тогда он осторожно подошел к щели без двери, через которую можно было выйти на другую сторону пограничного поста. Крепкий мужчина, на котором костюм не мог скрыть следы постоянных тренировок, долго смотрел туда, жалея, что не может воспользоваться техникой, спрятанной в сумке. Ручной пульт показывал больше, чем портативный анализатор, которым он водил, не боясь привлечь внимание пограничников за спиной. Снова оглянувшись, он увидел, что ближний из роботов вышел из своего кармана и наблюдает за его действиями. Это придало путешественнику решимости. Он вышел с территории контрольного пункта на свободу.

По очертанию невысокие дома, которые виднелись в округе неподалеку, напоминали сараи на холме, много сараев. Один, находящийся в третьем ряду слева, черно-белый, походил на руины древней постройки, которые бросили искусствоведы и дополнили новые хозяева из числа отребья, ставшего его новыми владельцами, усмехнулся. Он входил в город Данияр с грудой железяк стоимостью больше десяти миллионов долларов. Каждая его часть, сейчас лежащая по большим потрепанным грязным сумкам, была огромной суммой, за которую горожане могли убить любого. Но он не будет продавать им ни одной части. Сами они не догадуются об их предназначении так же, как и роботы-пограничники, не такие же тупые, как только что подписавшие вердикт о безопасности всех этих деталей. Черная бездна ментальной подготовки помогла ему с поддержкой роботов ни разу не вызвать подозрение мыслями о будущих убийствах. Восторженную поддержку вызывали в нем обманчивые мысли о том, что по дороге в город их вообще не было, но остатки здравого смысла подсказывали, что на чудо не стоило рассчитывать сейчас и впредь. Заказные убийства насыщают зеленым цветом мониторы сканирования мыслей, реклама обещает, что для функционирования полиграфа, приводящего их в действие, сейчас достаточно пары касаний робота в погонах. Он оставляет на коже детекторы самых низменных страстей на полчаса, так что жучки, если они и были на коже Изота, через пятнадцать минут уже станут безопасными.

Окраина Даянира, города-призрака

Впереди город простирался на холме, там виднелись полосы деревьев, отмечающие кривые улочки. Виднелись рваные навесы внутренних дворов. Некоторые стены были покрыты серой жижей, которая в другом месте была бы белесой или даже белой. Пейзажи города напоминали распростертую шкуру инопланетного чудовища, которая давно стала местом обитания земных ворон и только. Ближайшие здания, если можно было назвать эти кривые уродливые коробки постройками, выглядели безлюдно. Приземистые каменные здания походили на гробницы. Каминных труб почти не было. Повсюду стояла вонь. Сточные канавы по краям разбитых улиц дополняли ощущение земной юдоли, созданной пиром воронов. Изот не обманывал себя, не видя снаружи их обитателей. Он прекрасно осознавал, что появление незнакомца вызвало у них интерес, привычный для мест, где гости бывают редко. Чужаки редко вызывают открытый интерес в местах, где слишком много приезжих оказывалось на территории только чтобы укрыться от закона той стороны.

Он нашел поблизости стену дома, которая закрывала его от большинства окон. Под тяжестью собственного веса раскачивался провод сорванной антенны, свисающий с крыши. Двухметровый забор показывал обшарпанную штукатурку и кирпичные бока там, где она отваливалась. Ее собственные камеры стояли в уютном мраке под крышей и в трещине стены. Казалось, они поворачивались тогда, когда у владельца хватало денег на их ремонт. Радимов положил вещи на землю и дал приказ роботам охраны собраться, приступив к защите еще до того, как закончится сборка. Потом увидел на табло своего пульта, встроенного в кулон на шее, что один из них почти сразу же заинтересовался местом только что случившихся взрывов. Он считал место их расположения, постепенно делая все ярче точку на карте. Еще немного времени понадобилось ему, чтобы определить предположительную причину взрыва. «Неизвестное вещество», – надпись появилась так четко, что Радимов знал: через два дня, если он не подойдет ближе к месту взрыва, она не изменится.

Изот снял с себя куртку и накинул ее на работа, делая вид, что копается в вещах. Он не хотел, чтобы кто-то посторонний, сверлящий его взглядом анализаторов и жирных баб, которые готовы выйти посмотреть на них из пустого любопытства, увидел их комплектацию и проверку. Вряд ли кто-то из местных мог хорошо знать блоки устройства, отличающие его охранника от обычного транспортного анализатора X 107. Последние тоже иногда снабжали оружием для самообороны, но любая стоящая пушка выглядела так массивно, что вряд ли непрофессионал принял бы его спутника за что-то опасное. Под курткой робот проверял оружие. Изот, мельком окинув взглядом поднимающиеся бугры одежды, видел, что все идет, как обычно. Технический контроль, который сейчас выводил данные ему на часы, тоже не предвещал неприятностей. Ему стало немного прохладно без куртки от последних остатков утренней свежести, но он не решался показать врагам свое оружие еще до того, как оно будет готово дать залп по любому его недоброжелателю.

Внезапно он скорее не увидел, а догадался, что камеры наблюдения, немного пошевелившиеся, ожили. Их интересовал не он, крепкий мужчина в потертой куртке и немного сутулящийся на левое плечо. Из выхода, откуда он только что появился, выезжали роботы. Он испугался, видя, что его охрана еще не готова. Ему не хотелось глядеть на них, чтобы не привлечь лишнего внимания. Но очень быстро он увидел, что свой багаж они везут туда, где только что стреляли. Эта ходячая крепость намеревалась найти причину взрыва и помочь пострадавшим. Они ехали тихо. Слышен был рев мотора, но не сирена, обычный спутник мобильной реанимации. Робота, сопровождавшего медицинский контейнер, он определил как охранника. Караван

уже уезжал за угол, когда в медицинскую машину кто-то кинул камень и выругался. Слов не разобрал, но язык еще заканчивающий сборку на месте компьютер определил как не русский.

Вчера он хорошо выспался и поужинал. Хотя он встал рано, сейчас не хотелось найти убежище побыстрее. Он знал, что для поиска надежного приюта тут понадобится много времени. Первый робот личной охраны, который был уже полностью готов, не показал, что его приборы были подвержены действиям бомбы, о которой предупреждал таможенник. Изот поставил приоритетной сборку остальных, но тридцать процентов мощности оставил для себя. Прекрасная и дерзкая среда этого заброшенного места в полете своего воображения способна была перехитрить любого человека, думающего, что он может быть в безопасность собственными силами. Стена пахла мочой и помоями все сильнее. Как только роботы были готовы, он приказал одному из них взять вещи и зашагал вперед.

Сейчас он чувствовал, что его буквально сверлят взглядом какие-то невидимые пока люди со жгучими чувствами, ни одно из которых не было приятной перспективой. Анализатор пространства показывал, что нацеленного на него оружия не видит. Сканеры, еще не собравшиеся с силами, отметили, что на него смотрят:

Два человека предположительно мужского пола из ближайшей развалины с серой крышей и тарелкой наверху.

Семь человек разного возраста и роста из соседнего двухэтажного дома с тремя окнами и небольшим двором с железными мятыми воротами.

Шесть человек из дома слева от развалины с серой крышей.

Три человека из постройки слева от него, там во дворе росло несколько деревьев.

Восемь человек и две собаки из двухэтажной разбитой крепости левее здания с густой растительностью во дворе, Изот как раз собирался пойти в другую сторону.

Пять человек и кошка из дома правее двухэтажного.

Ни один из зевак не вышел на улицу. На улице вообще машин или пешеходов, кроме Радимова, не было.

Его робот не был способен поймать пулю еще до того, как она окажется слишком близко к нему. Но старая добрая машина из подвалов военного ведомства способна была определить прицелившегося в него человека и робота, который занят расчетом залпа в его задницу и вырвать его мозг еще до выстрела.

Пройдя до конца квартала, он увидел дыру в заборе. Во дворе стояла женщина. Когда Изот проходил мимо, она повернулась в его сторону и уставилась на прохожего. Ее лицо было почти закрыто черным платком, поэтому ее возраст определить было трудно. Он подумал о том, чтобы заговорить с ней. Стал искать в своей душе что-то личное, чистое, непринужденное, чтобы быть вежливым и любезным. Он хотел показаться ей сильным ребенком, чтобы найти хотя бы одного первого знакомого из числа обитателей этого места, где кто-то может жить еще и по правилам. Почти сразу же сигнал, пойманный охраной предупредил его, что слева позади находится мужчина, у него есть как минимум один ствол и один боевой робот. Оба повернуты в сторону Изота, а мужчина дал команду взять его на мушку. Охранник Радимова сразу же пристроился между ним и стволом. Она сам, не решившись заговорить, пошел дальше по улице.

Он шагал вперед, стараясь умерить свой страх. Пройдя квартал, он получил сигнал о том, что мужчина больше им не интересуется. Он подавил чувство униженности и стал рассматривать дома, которые находились впереди.

Место, в котором он сейчас находился, казалось глухим. Несколько домов, из которых состоял этот небольшой участок района, были находкой для живописца. Сама площадка оставалась от когда-то взорванного большого дома. Когда-то давно этот дом окружал внутренний двор с четырех сторон. Внутри вели арки, закрываемые от посторонних. Может быть, этот дом бомбили даже не один раз. Когда на своем месте оставались только фундамент и кое-

какие этажи, в разных частях оставались стены. Их и использовали новые владельцы, чтобы построить из того, что осталось, свои новые хижины. В одном месте их было на четыре этажа. Эта часть оставалась самой высокой. Остальные квартиры этого дома-помойки напоминали, что тут никогда не бывал мастерской, а роботы оставались сном, а не бытовыми инструментами. Некоторые квартиры или пары квартир, одноэтажные, сверху были увенчаны черными баками для воды. Между одним жильем и другим то тут, то там зияли пустые до земли пространства. Обитателей этого места кололи его взглядами из черноты окон, не позволяющей их рассмотреть. Ощущение катастрофы, возникшее от вида взорванного когда-то здания, не проходило. Он почти открыто подносил глазами анализатор охранника. Безопасность, готовая взорваться осколками снарядов, была еще под контролем его проверенных машин. Только один раз робот, прикрывавший его, резко переместился назад. Изот старался не показывать страха и идти непринужденно.

Сохранять сосредоточенное спокойствие стало легче, когда охрана предупредила его, что еще один недоброжелатель сзади положил пушку. Он знал, что это было еще не из-за удара, который волновой всплеск из затылка его охранника, наконец, вскипятил мозги фигуры второго плана с печалью в глазах. Тем не менее каждый новый другой квартал не сулил ему встречи получше. Чтобы перестать быть всегда под угрозой он не мог войти в магазин. По закону там отбирали всех охранников, их приходилось оставлять на улице. Но работали ли тут те же законы, что и за кордоном? Он уже устал от того взаимопонимания и единства, которое связывало ту толпу, которая уже давно была естественной частью этого места.

Медицинский робот медленно проехал мимо него. Судя по тяжести посадки, в кузове он вез пациентов. Охранник все еще сопровождал машину. Он был более запыленным, чем два часа назад, на его потертый бок налипла грязь, рядом виднелись разводы от человеческой руки, которая случайно или намеренно пыталась нарисовать на нем грязную дугу всеми четырьмя пальцами. Кортёж проследовал мимо Изота в тот выход, из которого прибыл.

Следующий квартал был уже не пустым. Пока Радимов брел по улице, один из обитателей ее домов вышел на улицу. Он демонстративно встал у входа, прислонившись к стене. Весь вид этого невысокого худощавого мужчины с сутулыми плечами выражал презрение к незнакомцу. Он что-то жевал, иногда сплевывая. Он был похож на жителя деревни из Средней Азии. Он переминался с ноги на ногу по-медвежьи, сутулился, но высоко задирал голову. Его вид не понравился бы и неискушенному в боях без правил человеку. Судя по его виду, он готов был наброситься с руганью на прохожего, как только тот поравняется с ним. Изот посмотрел на детектор. Незнакомец был вооружен, но прятал ствол в кармане брюк. Это был хороший признак, так робот успеет закрыть его от пули, если тот задумает воспользоваться оружием со скоростью, на которую способен человек.

Детектор оружия задрожал, привлекая к себе внимание. Радимов, не желая показывать незнакомцу слабость, вызвал голосовое сообщение и проекцию экрана на собственные темные очки. Один из стволов, принадлежащих жителю здания, из которого только что вышел незнакомец, был направлен на гостя. Но, в довершение к нему, безумец, не отрывая глаз от Изота, собирался испугать его. Он хотел получить моральное удовлетворение от убийства. Для этого смотрел на недруга прямо и с угрозой, чтобы насладиться зрелищем, когда тот получит пулю в спину. Изот, не делая резких движений, приказал автоматике вырубить стрелка в доме и устроить головную боль тому, кто закрывал ему путь. Почти через мгновение после того, как шкала воздействия перевалила за критическую отметку, неприветливый субъект схватился за голову. Изот приказал охране взять образец ДНК того человека, который не успевал скрыться в доме до того, как поравняется с роботом-носильщиком. Он стоял, озираясь, и собирался снова войти в дом, когда Радимов получил еще один сигнал об опасности. Теперь за стенами сооружений улицы скрывались сразу два человека, оба с ручным оружием. Программа охранника, в таких случаях приспособленная к реакции без приказа, отключила обоих. Изот поравнялся

с незнакомцем, которые еще две минуты назад собирался загородить ему дорогу. Тот уже не думал задира́ться, или насладиться уничтожением, его мучила отвратительная тошнота. Полный грации робот скользнул мимо него, подхватив волос с одежды, на лету взяв пробу кожи и анализ крови, если успел так быстро его поцарапать или уколоть иглой. Конечно, если бы тот был ранен, анализатору удалось бы скормить его кровь, которая куда лучше подходила для теста. Но и сейчас через несколько часов у охранника будут все данные о том, кто не стал вести себя как игривое дитя, о его родственниках и грехах, если о них есть данные в не самых закрытых полицейских системах. Охрана поставит их на особый контроль для кровников, осколков живого человека, не избежавшего клыков дьявола, желающего уничтожить самых смелых, но тупых.

Квартал, через который он сейчас шел, был спокойнее. Из-за стены раздался голос:

– Когда это все кончится, ты будешь у меня спокойнее.

Потом за стеной послышались звуки, как будто кого-то били кнутом. Изот подумал, что жертвой может быть человек, но ошибся. Послышалось бляение и лай собаки, которая видела, как хозяин стегал овец, ведя их в сарай.

– Амирхан, Аимрхан, – кричали в другом дворе.

– Заходи сюда, Лейла, – отвечал ей мужской голос из дома.

– А что у тебя?

– Ты знаешь, где грабли? Я не видели их с прошлой недели.

– Не знаю. Тогда подрались Векет и Талдой. Может быть, Векет их унес?

Еще одна женщина выглянула из-за забора и сразу же спряталась. Люди с оружием, казалось, пока забыли о дичи на этом небольшом участке для проведения дней и ночей вместе.

Пройти вперед еще один квартал не представлялось возможным. Охрана тихо завывала, предупреждая о наличии в этом секторе оружия. Его было столько, что ни один человек не решился бы торопиться в это место. Добрый совет о том, как обойти опасность, Изоту мог дать только его всевидящий телохранитель. Он старательно обходил позывными одному ему известные маркеры пространства, от локации ближних мест для связи со спутниками.

Не показывавший своей растерянности человек сбавил ход. Когда он подходил к концу улицы, сведения снова оказались у него на очках. Пойти можно было налево или направо. Слева дорога привела бы в итоге к месту недавнего взрыва. Поэтому он, не желая приключений, направился направо. Радимов отметил про себя, что «осиное гнездо» как будто окружает себя людьми, не готовыми дать бой каждому проходящему мимо, но быстро решил, такие были, но давно стали историей этого великолепного по своей свободе проявлений места.

Следующий квартал был не только спокойнее. Зайдя за угол, он увидел столбы детекторов X 107, выступающих за линии фасада здания. Они были, как и все тут, старой конструкции, громоздкие и обшарпанные, со скошенной крышкой. Их существование сказало бы человеку, идущему по обычному городу, что неподалеку общественное место. Дезинфекцию всегда ставили перед входом в магазин, бар или любое учреждение, куда могли войти посторонние. Тут она могла остаться, как и многое другое, со времен, когда обитатели жили тут, как обычные люди. Присмотревшись и сверив наблюдения с эхолотом охраны, Изот понял, что впервые встречает в этом жалком городишке следы цивилизации. На его пути был магазин. Он подумал, что не так торопится, чтобы не попробовать поговорить с кем-то из местных. Пока ни один из горожан не проявлял дружелюбия. Но продавец может оказаться совсем иным. Исполненный желанием заполучить себе покупателя, он будет искать возможности сделать так, чтобы тот вернулся. Радимову, у которого были деньги на оплату благодарных информаторов, оставалось только заботиться о том, чтобы от него ждали больше, чем он будет готов пообещать. По правилам, принятом в городах, у анализаторов приходилось останавливаться и ждать, пока они, уверенные в отсутствии вируса, не пропускали гостя. Он так и сделал. На пятой минуте ожидания он понял, что ему придется быть осторожнее, если на безлюдной улице появятся

местные подонки. Еще через несколько минут он подумал, что у него есть способ пройти через анализаторы не совсем легальным, но вполне естественным путем. Он знал, что не был заражен. Его датчики, более новая и дорогая модель, показывали, что внутри болезни нет. Так что он решительно ничего плохого не увидел в том, чтобы воспользоваться нитью Ариадны и попробовать попасть в магазин скорее.

Изот подошел к стеклу, которое было украшено названием магазина «Тухфатулин и Ширматов». Она была небольшой, но сделанной почти профессионально. На компьютере надпись отпечатали на листах альбомного формата, а их, неровно накладывая друг на друга, приклеили с внутренней стороны оконного стекла. За ними в витрине был виден ее грязный пол и давно не мытое следующее стекло, оклеенное сзади не пускающей в магазин слишком много солнца темной пленкой. Свойства этого темного покрытия были такие, что гость снаружи почти не мог видеть хозяев, но они различали его изнутри лучше. Невозмутимо переминаясь с ноги на ногу, Радимов вынул из кошелька несколько купюр и стал их пересчитывать. Лицом он повернулся к витрине так, чтобы обитатели внутри и на камере могли увидеть ближнюю к себе купюру. Это были вполне заманчивые деньги для храброго человека, который никак не может дождаться времени, чтобы потратить их в магазине. Потом, не кладя деньги в кошелек, он поднял голову и стал озираясь, всем своим видом показывая, что торопится. Из магазина почти сразу же высунулась голова.

– Вы только что приехали в город, дорогой?

Продавец увидел его вещи и знал, что он не обид из обитателей этого захолустья. Изот догадался, что тот спрашивает не только из пустого любопытства. Только что приехавший прошел все виды контроля, так что можно было не бояться подцепить у от него смертельную горячку. Он не стал разочаровывать первого человека, который решил поговорить с ним не на языке оружия.

– Так. Я пришел на первый кордон раньше семи часов утра. Сейчас хотел поискать место, где можно найти немного еды.

– Совершенно очевидно, что вы попали к нам не случайно, – продавец расплылся в улыбке и приглашал его жестами. – Вы можете войти сюда даже с роботом, если он только ваш носильщик.

Изот не хотел говорить, что робот еще и с десятков скорострельных пушек, только поэтому велел машине вкатиться в двери.

– Вы говорили, что утром прошли через кордоны? Почему утром?

– Приехать сюда пораньше разумно. Сюда.

Пригласивший его, казалось, заметил, что он подчеркнул последнее слово. На его лице отразилось некое подобие ужаса. Вероятно он, как и любой, желающий отсюда выйти, вспомнил, пережитой страх от толпы, рвущейся назад. От роботов, которые не всем дают право оказаться на другой стороне. Когда такие решали выходить из своего мира скопом, они цеплялись за надежды обмануть робота все разом. Иногда пытались разбить его или начинали прямо перед машиной избивать друг друга, не жалея и надеясь попасть в больницу уже на той стороне. Житель города, скорее всего хотя бы один раз участвовал в такой попытке выхода. От пережитого страха при воспоминаниях на его глазах выступили слезы. Неожиданная мысль не заставила его забыть о делах. Он сразу же занял место за стойкой, которая возвышалась как небольшой стол с кассой среди холодильников и табло.

– Если ваш робот будет ходить к нам за продуктами каждый день, обещаю вам самые хорошие скидки в городе, – пел продавец высоким голосом.

Он накинул халат, который снял, скорее всего, из-за отсутствия посетителей. Лицо его сквозило желтоватой бледностью, такая иногда бывает у людей с пошаливающей печенью или этот цвет кожи имеет причиной национальные особенности какого-то малоизвестного историкам восточного среднеазиатского или кавказского народа. В его повадке гость увидел что-то

болезненное и хитрое. Он знал, что мошенник и честный человек могут не отличаться друг от друга на фотографии и даже в манерах, если речь идет об обитателях такого места, как это. Маска, надетая у любого человека с Востока, могла прикрыть истинное лицо. Изот не раз принимал участие в помощи обедневшим талантам из Средней Азии и с Кавказа, вызывая их благодарность за устроенное будущее. Но если быть с тем, кто казался самым лучшим, всегда начеку, то можно было выдержать их лакейство и узнать то, что тебе нужно.

– Вам нравится наш город?

– Я слишком плохо его знаю.

Он не хотел обидеть его обитателя, который за полчаса знакомства еще ни разу не попытался его убить. Изот понимал, что такой уникал тут может быть единственным.

– Вы приехали надолго? Уверяю вас, вы нашли самый лучший магазин в округе.

– Что тут можно поесть сейчас?

– Могу предложить целый обед.

«Тухфатулин и Ширматов», как оказалось, был крупным магазином. Он немного поколдовал над клавишами и вывел на большое табло фотографии яств, которые стоили больше, чем показал ему денег в своем кошельке. Тот молчал, ожидая, что ему предложат что-то еще. Но другого меню не получил. В тишине стал отчетливо слышен звук упавшего в соседнем помещении предмета. Радимов шумно вздохнул и повернулся лицом к табло, на котором можно было выбрать любой из товаров в магазине. Сами они были где-то в холодильниках. Тишина не заставила продавца кинуться к ним, чтобы показать, какие клавиши помогут поскорее найти желаемое. Тогда покупатель с суровым страданием повернулся к нему, криво улыбнулся и сказал свысока:

– А что-нибудь дешевле? Нет, лучше, я сам.

Он подошел в меню и стал перебирать то, что находилось в кладовой, вероятно, ожидая его уже много лет. Продавец стоял тихо, как будто не хотел показывать, что таилось за квадратами с фотографиями более дешевых продуктов. Прядь его волос, еще не прилипшая ко лбу, была откинута одним залихватским движением руки, которое придало ему мужества.

– Дорогой, да что же это такое? Не бойтесь. Возьмите вот эту большую пиццу. Вы умереть готовы от голода, а сейчас у вас еще и праздник. Столько работы сделали, на новой место приехали. Пожалуйста, берите. Все, что вы увидите, очень свежее.

– Как тебя зовут?

– Камут. Камут Фирматов.

– Я Изот Радимов. Ты давно тут работаешь?

– Уже несколько лет.

С самого начала понимал, что хозяин «Тухфатулина и Ширматова», вернее, два хозяина, вряд ли будет спускаться к покупателю до того, как анализаторы покажут, что он безопасен. Но сейчас он хотел убедиться, что не ошибся.

– Это твой магазин?

– Нет. Но мой хозяин хороший и добрый человек. Приходите еще в следующий раз, и вы в этом убедитесь.

При мыслях о хозяине его лицо стало мрачно и даже угрюмо.

– Я приехал только что. Как ты думаешь, где мне лучше остановиться?

– Вы хотите снять комнату или жить в гостинице?

Он встал так, будто держал в обеих руках воробья.

– Что вы надумали?

– Не хочу, чтобы меня беспокоили. Но и переплачивать мне не по карману.

Камут сделал вид, что задумался. Его вид был таким убитым, что на него страшно было смотреть. Он был похож на человека, который размышляет о своей трудной жизни и совершенно забыл о счастье. Не было понятно, замечает ли он вообще присутствия постороннего

человека в магазине или нет. Тогда покупатель выбрал не самую дешевую замороженную пиццу и оплатил ее с подогревом. Он вынул тысячную банкноту и передал продавцу, чтобы тот убедился в ее подлинности. Пицца не стоила и сотой ее части. Вид денег в руках сразу же развязал его собеседнику язык.

– Проходите туда, в ресторан.

Вначале Изот тщательно осмотрел каждую банкноту, которую получил на сдачу. В том углу, куда он показывал, у грязной когда-то белой стены стоял один высокий столик. Украшением интерьера этого гордого дизайнера в японском стиле был криво наклеенный на стену плакат от календаря. На нем время остановилось на вечном годе, остававшемся тут более десяти лет. Обгоняя мысли Радима, Камут взял свой высокий стул и подтащил его к столу, как герой, который знает, чем именно следует гордиться. Он включил гудящий кондиционер, чтобы душное место стало более комфортным. С видом человека, который знает все лучше всех, Фирматов сказал:

– Если у вас есть кое-какие средства, вы можете пойти в гостиницу моего троюродного дяди. Она на другом конце города, но там спокойнее.

Из другого конца зала, где дверь была открыта, послышался надсадный кашель. Камут изменился. Его желто-поджаренное лицо вытянулось, словно он впервые оказался в городе. Он стал говорить быстрее, словно увидел первого в своей жизни робота.

– Есть еще одна гостиница. Она ближе к этому месту и даже лучше.

– Она принадлежит семье твоего хозяина?

– У вас она не вызовет упрека, – ушел от прямого ответа продавец.

Изот с удовольствием положил горячую пиццу на столик, стоящий в углу магазина. Робот, вертящийся вокруг, успел показать, что она не отравлена.

– Как к ней пройти?

– Она в двух кварталах отсюда. Давайте, я нарисую вам план на карте.

Издалека снова послышался кашель. Камут понял его так, как будто кто-то инопланетный умел говорить на языке кашля, и он был единственным дипломатом на Земле, представляющим их расу.

– Дорогой, я могу вас даже проводить до нее.

Изот, настроенный приемом, решил воспользоваться его приглашением. Ему было не важно, где остановиться на ночь-две. Потом, если продавец предложил бы ему грязную ночлежку, он рассчитывал переехать. Сейчас ему необходимы были знакомые в этом городе, и он не представлял другого способа их завести. Он опустил глаза на свои ботинки, забрызганные грязью.

– Там можно почистить обувь.

Он заказал зеленый чай с жасмином. «Тухфатулин и Ширматов» оказались не плохими кулинарами, пиццу до подачи на стол они не спалили. Доев свой обед, дал знак болтающемуся без дела и покупателей по магазину Камуту, что готов идти.

– Ты не передумал проводить меня до гостиницы?

– Пойдемте. Вы хотите взять машину?

Радимов видел, что на улице совсем не было машин, как будто он попал в горный аул семнадцатого века.

– Тут есть машины?

– Да. Я могу вызвать вам. Правда, гостиница совсем недалеко.

– Тогда пойдем пешком. Не доверяю месту, где мог до меня посидеть переносчик вируса.

– Тут многие думают так же.

Он семенил немного сзади а и его робота, направляя его в нужную сторону словами. Эта восточная привычка всегда раздражала а, но тут он смирился, чтобы не ссориться с таким важ-

ным для него сейчас знакомым. Больше всего его привлекала его бедность, способствующая получению информации больше, чем пытки и угрозы.

– Смотрите, впереди «Заброшенное депо». Так называется эта прекрасная гостиница.

Радимов увидел первое в городе здание, где вывеска находилась так, что ее можно было увидеть снаружи. Она висела там же, где это бывает в любом другом городе, поэтому он решил еще до писка приборов, что проводник его не обманул.

Изот в своей первой гостинице

Даянира, в «Заброшенном депо»

Два квартала они прошли, как будто телохранители Радимова вышли из строя. Гость шел тише, чтобы портативные анализаторы нашли жучка в теле продавца, который подавал горожанам сигналы, и скопируют его позывные. Никто не целился в гостя, по дороге не взрывались бомбы и не копили военные арсеналы. Через контроль суетливый Фирматов прошел первым, не дожидаясь сигнала. Спустя пять минут, как будто опасаясь ухода важного клиента, он спустился вниз и провел его к портье. Тот увидел посетителей еще у входа, но поздоровался, когда Изот закрывал за собой дверь и почти повернулся к нему спиной. Когда они подошли к стойке, стало видно, что его рубашка посерела от грязи, а на пальце блестят четыре крупных серебряных кольца. Он присел, стал открывать ящики один за другим. Потом в дальнем углу самого нижнего нашел ручку.

– Простите меня, дорогой, за некоторую бесцеремонность, но как вас записать в книгу постояльцев?

Пронзительный взгляд чудовища в человеческом облике он встретил невозмутимо, как привычный.

– Изот Радимов.

Портье мрачно опустил голову и записал его в журнал ручкой, не включая компьютера, стоящего рядом.

– Дайте мне номер на северо-востоке здания и повыше. Люблю, когда в комнате не жарко.

Лифта в здании не было. Радимов выбрал себе номер на четвертом, последнем этаже. Его окна выходили на сторону, противоположную от замеченного им склада оружия, как он и просил, на северо-востоке. Портье вышел из-за стойки, подошел близко к Изоту и неожиданно громко икнул. Потом он вернулся в свой угол, медленно напился воды. Только после этого отдал ключи от комнаты, не предложив помочь отнести вещи или что-нибудь доставить в номер.

Постоялец расписался в книге, где его фамилия значилась первой на странице. Она казалась единственной на развороте. До листа, где красовалась закорючка Изота, почти не было заполненных и перевернутых листов. Когда гость посмотрел ближе на постельное белье, гостиница показалась более грязной, чем после осмотра ванной. В углу перед кроватью красовался старомодный черный плазменный телевизор. Когда Изот внес все свои вещи расположился в гостиной, Камут вошел снова. Он помог ему бессмысленно созерцать номер, в котором стояла кровать, два кресла и письменный стол от разных гарнитуров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.